

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ**

WWW.EPEJ.RU

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Педагогика и психология: вопросы
теории и практики**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1/2022

www.epej.ru

Нижний Новгород 2022

УДК 37

ББК 74

П24

Международный научный электронный журнал «Педагогика и психология: вопросы теории и практики», Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - № 1 - 2022. – 20 с. / DOI 10.54092/26868822_2022_1

ISSN 2686-8822

Статьи журнала содержат информацию, где обсуждаются наиболее актуальные проблемы современной педагогики и психологии, и результаты фундаментальных исследований в различных областях педагогики, образования и психологии.

Журнал адресован работникам сферы образования, учителям, преподавателям, психологам, разрабатывающим стратегические направления развития современной педагогической и психологической науки ученым, аспирантам, соискателям, магистрантам, преподавателям-практикам, студентам.

Все включенные в журнал статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Электронная версия журнала находится в свободном доступе на сайте www.epej.ru

УДК 37

ББК 74

Редакционная коллегия:

Главный редактор – **Кузьменко Наталья Ивановна** — кандидат педагогических наук доцент, преподаватель ГБПОУ «Магнитогорский педагогический колледж»

Редакционный совет:

1. **Ежкова Нина Сергеевна** — доктор педагогических наук, доцент, Профессор кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого»

2. **Агеев Валентин Васильевич** — профессор, к.психол.н., университет Кайнар, Алматы

3. **Куликова Татьяна Ивановна** — кандидат психологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого

4. **Лебедева Ирэна Валерьевна** — кандидат социологических наук, доцент, Доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка КИМРТ (Каспийского института морского и речного транспорта) имени генерал-адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина.

5. **Малушко Елена Юрьевна** — кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

6. **Молчанова Елена Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Тихорецке (Краснодарский край)

7. **Шалагинова Ксения Сергеевна** – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, педагог-психолог Центра образования № 4, г. Тула

8. **Шмелёв Степан Викторович** — главный редактор, кандидат педагогических наук, доцент кафедры Физиологии и безопасности жизнедеятельности человека, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», директор средней общеобразовательной школы №3, г. Нижний Новгород

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

© НОО Профессиональная наука, 2015-2021

Оглавление

Теория и методика обучения и воспитания **Ошибка! Закладка не определена.**

Асеева А.Р. Теоретические аспекты использования интерактивных технологий в процессе обучения иностранному языку **Ошибка! Закладка не определена.**

Теория и методика профессионального образования **Ошибка! Закладка не определена.**

Ульянова Э.Ф. Формирование речевой культуры студентов технических вузов в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» **Ошибка! Закладка не определена.**

Медицинская психология

УДК 159.9

Пчелкина Е.П., Радова Е.П. Особенности тревожности у девушек со склонностью к компульсивному перееданию

Features of anxiety in girls with a personality to compulsive overeating

Пчелкина Е.П., Радова Е.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Кафедра общей и клинической психологии
Pchelkina E.P., Radova E.P.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

***Аннотация.** В статье раскрываются особенности тревожности у девушек со склонностью к компульсивному перееданию. Выявлено, что у девушек со склонностью к компульсивному перееданию выше уровень тревожности, чем у девушек, не склонных к пищевой зависимости, что позволяет разрабатывать рекомендации для снижения уровня тревожности в профилактике и коррекции склонности к компульсивному перееданию.*

***Ключевые слова:** личностная тревожность, ситуативная тревожность, расстройства пищевого поведения, компульсивное переедание, аддиктивное поведение.*

***Abstract.** The article reveals the features of the level of anxiety in girls with a tendency to compulsive overeating. It was revealed that girls with a tendency to compulsive overeating have a higher level of anxiety than girls not prone to food addiction. This allows us to develop recommendations for reducing the level of anxiety in the prevention and correction of compulsive overeating.*

***Keywords:** personal anxiety, situational anxiety, eating disorders, compulsive overeating, addictive behavior.*

DOI 10.54092/26868822_2022_1_6

Рецензент: Лебедева Наталья Викторовна - Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

В современном обществе все чаще становится актуальной тема аддиктивного (зависимого) поведения. Зависимость может возникнуть практически к любой сфере жизнедеятельности человека, именно по этой причине проблема зависимости носит такой важный и острый характер, а поэтому требует незамедлительного решения.

В данной работе мы рассмотрим один из видов аддикций, а именно компульсивное переедание. В последнее время многие исследования посвящаются теме расстройств пищевого поведения. Расстройства пищевого поведения на сегодняшний день широко распространены среди молодежи. СМИ создают образ

идеальной фигуры, а расстройства пищевого поведения как раз и берут свое начало из желания достичь идеала.

Кроме того, нас заинтересовала такая личностная черта, как тревожность и возможность ее связи с возникновением компульсивного переедания. В работе делается попытка выяснить, каковы особенности тревожности у девушек со склонностью к компульсивному перееданию.

Проблема тревожности раскрыта в трудах как зарубежных (А. Адлер, К. Спилбергер, З. Фрейд, К. Хорни и т.д), так и отечественных (В.М. Астапов, Р.М. Грановская, А. М. Прихожан, С.Л. Рубинштейн и др.) психологов.

Американский исследователь тревожности К. Спилбергер выделяет две формы тревожности – тревога как состояние (СТ, ситуативная тревожность) и как свойство личности (ЛТ, личностная тревожность). Деление тревожности на ситуативную и личностную прочно вошло в психологический обиход и стало весьма удобным не только в теории, но и в диагностической и экспериментальной практике [6].

А.М. Прихожан определяет тревожность как ощущаемый индивидом эмоциональный дискомфорт, сопряжённый с ожиданием какого-то неблагоприятного положения и возможной угрозы опасности [5].

Тревожность следует рассматривать как реакцию индивида на ситуацию, которая характеризуется неясностью и несёт в себе вероятную угрозу и напряженность. По своей сути, тревога часто похожа на чувство голода. Человек может быть отважным и энергичным перед серьёзной угрозой, но ощущать себя абсолютно беззащитным в состоянии тревоги. Тревога и страх это ответные чувства, появляющиеся перед угрозой, однако страх связан с естественной бесспорной и действительной опасностью, в то время как при тревоге опасность неявна и носит сугубо субъективный характер.

При анализировании тревожности следует придавать значение тем обстоятельствам, которые собственно и вызывают такое состояние. Одни люди испытывают чувство волнения и тревоги по самым разнообразным причинам, такие люди, будто всегда находятся в подобном расположении духа, а другие люди его испытывают только в определенных случаях.

Г.Г. Аскерова провела исследование коммуникативных и организаторских способностей у юношей и девушек с различным уровнем тревожности, в ходе которого было выявлено, что испытуемые с высоким уровнем тревожности характеризуются менее выраженными коммуникативными и организаторскими способностями по сравнению с испытуемыми со средним уровнем тревожности [2].

Расстройства пищевого поведения расписаны в международных классификациях DSM-5 и МКБ-10. Также пищевое поведение изучали А.В. Вахмистров, И.Г. Малкина-Пых, О.А. Скугаревский и др.

Типология клинических нарушений пищевого поведения отражена в двух основных руководствах, которые используются для постановки психических диагнозов и не только – DSM-5 (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) и МКБ-10 (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем). Среди нарушений пищевого поведения выделяют три основных: анорексию, булимию и компульсивное переедание [1].

Компульсивное переедание предполагает неоднократно повторяющиеся эпизоды поедания большого объема пищи с чувством утраты контроля над собой. Следует учесть, что эти эпизоды, в отличие от булимии, не чередуются с очищающими процедурами: больные не вызывают рвоту, не принимают слабительные и не ставят клизмы. Кроме того, компульсивное переедание отличается тем, что больной понимает наличие проблемы, а его самооценка не так зависит от формы и массы тела, как у пациентов, страдающих от нервной анорексии и нервной булимии [4].

Диагноз устанавливается клинически. Лечится компульсивное переедание с помощью когнитивно-поведенческой терапии или, в некоторых случаях, межличностной психотерапии.

Компульсивное переедание встречается приблизительно у 3,5% женщин и 2% мужчин в общей популяции. В отличие от нейрогенной булимии, компульсивное переедание чаще встречается среди людей с избыточным весом и ожирением и способствует излишнему потреблению калорий. Примечателен тот факт, что данный тип расстройства наблюдается более чем у 30% пациентов, которые проходят всевозможные курсы по снижению веса. По сравнению с больными нервной анорексией или нейрогенной булимией, пациенты с компульсивным перееданием старше и среди них чаще встречаются мужчины [3].

Таким образом, мы предположили, что между компульсивным перееданием и тревожностью существует прямая связь.

Нами было проведено исследование, нацеленное на выявление особенностей тревожности у девушек со склонностью к компульсивному перееданию. При планировании и построении исследования мы полагали, что у девушек со склонностью к компульсивному перееданию выше уровень тревожности, чем у девушек, не склонных к пищевой зависимости.

Исследование проводилось на базе НИУ «БелГУ» г. Белгорода, на студентах факультета психологии педагогического института. Выборочная совокупность: 30 девушек в возрасте от 17 до 24 лет. Для выявления особенностей связи тревожности у девушек со склонностью к компульсивному перееданию нами были использованы следующие методики: тест отношения к приёму пищи (EAT-26), шкала тревоги Спилбергера-Ханина, авторская анкета-опросник на выявление склонности к компульсивному перееданию.

Полученные данные были обработаны с помощью коэффициента ранговой корреляции R Спирмена на основе пакета статистических программ «SPSS-21.0».

С помощью эмпирического исследования мы получили следующие результаты: большинство респондентов, а именно 17 девушек (57%) – не склонны к компульсивному перееданию.

У 13 респондентов (43%) была выявлена склонность к компульсивному перееданию. Эти девушки, как правило, отвечали положительно на вопросы об увеличении объема пищи при потере контроля в каких-то сферах своей жизни, возникновении чувства вины после приёма пищи и прекращение приема пищи лишь при появлении дискомфортных ощущений. Люди, которые навязчиво переедают, используют пищу в качестве единственного способа справиться с негативными эмоциями. Как следствие, они почти постоянно чувствуют вину за то, что еда выходит у них из-под контроля. Человек с компульсивной зависимостью все время думает о еде, постоянно хочет есть и съедает большое количество пищи за короткое время, а после завтрака, обеда или ужина ощущает стыд и подавленность. И он делает это часто: по крайней мере, один раз в неделю в течение как минимум 3 месяцев.

На основе полученных данных нами были сформированы две экспериментальные группы: контрольная (группа 1), с нормальным типом питания, и экспериментальная (группа 2), со склонностью к компульсивному перееданию.

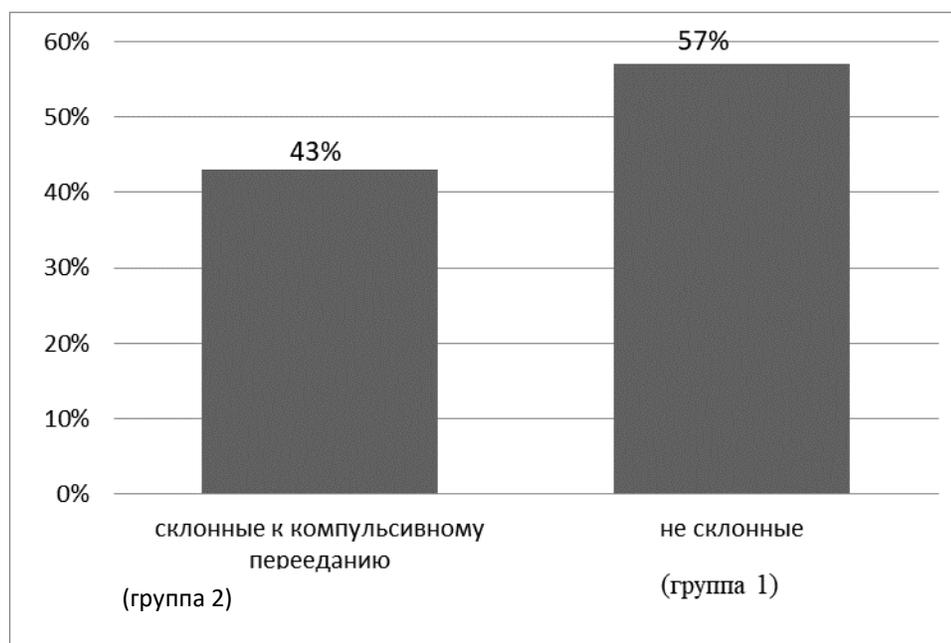


Рис. 1. Распределение респондентов в выборочной совокупности по выраженности склонности к компульсивному перееданию, %

Для выявления уровня тревожности нами была использована «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина». И мы выяснили, что для 17 (57%) респондентов характерен высокий уровень ситуативной тревожности (СТ). У 9 (30%) девушек выявлен средний уровень СТ. И, наконец, у 4 (13%) девушек выявлен низкий уровень СТ.

Состояние реактивной (ситуационной) тревоги возникает при попадании в стрессовую ситуацию и характеризуется субъективным дискомфортом, напряженностью, беспокойством и вегетативным возбуждением. Следовательно, наши результаты показывают, что большинство респондентов (57%) испытывали на момент обследования чувство дискомфорта, беспокойства и напряженность. Возможно, такие результаты получены из-за приближения сессии, что, безусловно, является стрессовой ситуацией для большинства студентов.

Для 19 (64%) девушек характерен высокий уровень личностной тревожности (ЛТ). У 10 (33%) девушек выявлен средний уровень ЛТ. И только у 1 (3%) девушки низкий уровень ЛТ.

Личностная тревожность представляет собой конституциональную черту, обуславливающую склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций. При высокой личностной тревожности каждая из этих ситуаций будет обладать стрессовым воздействием на субъекта и вызывать у него выраженную тревогу. Очень

высокая личностная тревожность прямо коррелирует с наличием невротического конфликта, с эмоциональными и невротическими срывами и психосоматическими заболеваниями.



Рис. 2. Распределение респондентов в выборочной совокупности по уровням ситуативной и личностной тревожности, %

Для того, чтобы подтвердить выдвинутое нами предположение, было проведено сравнение двух групп с помощью U-критерия Манна-Уитни. В результате проведенного сравнения нами были получены статистически значимые различия на достоверном уровне значимости ($p \leq 0,05$) по шкалам «ситуативная тревожность» и «личностная тревожность». Статистически значимые различия по результатам опросника «Отношение к пище (EAT 26)» выявлены не были.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у девушек со склонностью к компульсивному перееданию выше уровень как ситуативной, так и личностной тревожности, чем у девушек, не склонных к пищевой зависимости.

На следующем этапе нашего исследования нам необходимо было выявить наличие связи между уровнем тревожности и показателями склонности к компульсивному перееданию.

Для подтверждения нашего предположения о том, что существует связь между уровнем тревожности и показателями склонности к компульсивному перееданию, а именно, чем выше показатель компульсивного переедания, тем выше будет уровень тревожности, была проведена статистическая обработка данных с помощью

коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена используется для выявления и оценки тесноты связи между двумя рядами сопоставляемых количественных показателей.

В ходе корреляционного анализа было установлено наличие тесной связи между уровнем ситуативной тревожности и показателями склонности к компульсивному перееданию на уровне высокой статистической значимости ($p \leq 0,01$), и наличие тесной связи между уровнем личностной тревожности и показателями склонности к компульсивному перееданию также на уровне высокой статистической значимости ($p \leq 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что эти две характеристики у студенток-психологов связаны прямой зависимостью, чем выше уровень ситуативной и личностной тревожности, тем выше будет вероятность склонности к компульсивному перееданию.

Итоги проделанной работы по выявлению положительной связи ситуативной и личностной тревожности с данной склонностью к компульсивному перееданию позволяют обосновывать и разрабатывать рекомендации для снижения уровня тревожности у девушек в регуляции пищевого поведения, а именно в профилактике и коррекции склонности к компульсивному перееданию.

Библиографический список

1. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5 / American Psychiatric Association. – 5th ed. – Washington, DC; London: American psychiatric publ, 2013. – 947 p.
2. Аскерова, Г.Г. Коммуникативные и организаторские способности юношей и девушек с различным уровнем тревожности / Г.Г. Аскерова // Инновационная наука. – 2015. – № 7. – С. 177-180.
3. Малкина-Пых, И.Г. Терапия пищевого поведения / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.
4. Международная классификация болезней (10-пересмотр): классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике / Всемирная Организация Здравоохранения; ред. Ю.Л. Нуллер, С.Ю. Циркин. СПб.: Оверлайд, 1994. – 301 с.
5. Прихожан, А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А.М. Прихожан. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.
6. Спилбергер, Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч. Спилбергер. // Тревога и тревожность: хрестоматия: / сост. В.М. Астапов. – СПб: Пер Сэ, 2008. – С. 85-99.

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 519.9

Пчелкина Е.П., Дорохина О.С. Связь уровня эмпатии и коммуникативных способностей у студентов-психологов

The relationship between the level of empathy and the communication abilities of psychology students

Пчелкина Е.П., Дорохина О.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Кафедра общей и клинической психологии
Pchelkina E.P., Dorokhina O.S.
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

***Аннотация.** В данной статье представлены результаты исследования связи уровня эмпатии и коммуникативных способностей у студентов-психологов. Была обнаружена положительная взаимная зависимость уровня развития эмпатии в межличностных отношениях и способности судить о других по поступкам, а не личным впечатлениям. Это позволило обосновать задачи развивающей программы повышения уровня коммуникативной компетентности у студентов-психологов.*

***Ключевые слова:** эмпатия; коммуникация; коммуникативные способности; студенты-психологи.*

***Abstract.** This article presents the results of a study of the relationship between the level of empathy and communicative abilities in psychology students. A positive mutual dependence of the level of empathy development in interpersonal relationships and the ability to judge others by actions rather than personal impressions was found. This makes it possible to substantiate the tasks of the developing program for improving the level of communicative competence of psychology students.*

***Keywords:** empathy; communication; communication skills; psychology students.*

DOI 10.54092/26868822_2022_1_13

Рецензент: Лебедева Наталья Викторовна - Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

Для студента-психолога важно обладать высоким уровнем эмпатии и коммуникативных способностей. Это обусловлено тем, что такие компетенции являются профессионально-важными качествами специалиста-психолога. Профессионал этой сферы должен уметь находить общий контакт с разными людьми и уметь помочь им в решении своих проблем.

Коммуникация также играет большую роль в обществе. Главная задача коммуникации – установить и развить контакты между разными индивидами в ходе совместной деятельности. Для эффективности коммуникации важно достигнуть

взаимопонимания между партнерами. Это проявляется как в эмоциональной и личностной открытости, так и в искренности выражений чувств. Л.А. Михайлов утверждает, что коммуникативные способности определяются как способности личности, обеспечивающие эффективность ее общения с другими личностями и психологическую совместимость в совместной деятельности [См.: 22].

Исследованием коммуникативной компетентности и путей ее формирования занимались такие ученые, как: Г.С. Васильев, А.Ш. Гусейнов, Ю.Н. Емельянов, Ю.М. Жуков, Е.В. Залюбовская, А.Г. Ковалев, Л.И. Новикова, Л.А. Петровская, Е.В. Руденский, Т.Ю. Савельева и др. [См.: 16-18].

Вопросами развития и структуры коммуникативных способностей занимались О.Б. Асриян, Э.А. Голубева, Т.В. Капустина, А.А. Леонтьев, Л.А. Михайлов, К.К. Платонов [См.: 2; 13; См.: 16-18].

Коммуникация – одна из ведущих потребностей человека как общественного существа. Она является необходимым условием для социализации, а также играет важную роль в формировании социально одобряемого поведения.

Г.Г. Петрова отмечает, что качественная коммуникация как бы стремится к достижению взаимопонимания. Автор отмечает, что проблема условий эффективности межличностной коммуникации вызывает все больший интерес исследователей, ее решение имеет практическую значимость для жизнедеятельности человека [19]. Добавим, что эмпатия выступает в качестве механизма взаимопонимания в коммуникации, является фундаментом для понимания другого человека.

Как указывает Ю.В. Уткина, эмпатия присутствует во всех видах межличностного общения. В свою очередь общение является той базовой социально-психологической средой, в которой эмпатия зарождается, развивается и проявляется. Эмпатия выступает как свойство личности во взаимосвязи с общением. Она составляет ядро коммуникации. А в коммуникативной деятельности она способствует сбалансированности межличностных отношений и делает поведение человека социально обусловленным [25].

Согласно мнению Ю.С. Зайцевой, эмпатия выступает как эффективный инструмент для раскрытия внутреннего смысла нравственных отношений, где формируется система ценностей, а та в свою очередь определяет поведение личности по отношению к другому человеку [8]. Эмпатия косвенно увязывается автором с высшими образованиями личности – ценностями, а также с реализацией их в поведении, выступая как связующее звено между ними.

Наблюдением и изучением феномена эмпатии занимались многие ученые разных отраслей [1; 3-5; 7; 9; 10; 12; 14; 20; 21; 24]. Первое научное понятие «эмпатия» было упомянуто в начале XX в. такими учеными, как Э. Титченер и Т. Липпс.

В своих работах В.И. Грачев делает вывод о том, что уровень эмпатии связан с особенностями коммуникативной сферы студентов-психологов, а именно: чем выше уровни сопереживания и эмоционального отклика, тем ярче у студентов проявляются способности вести беседу, используя вербальные и невербальные средства общения в дружеской форме; способность сострадать собеседнику помогает психологу при общении с ним; способность поддерживать эмоциональный контакт со своим собеседником связана с возможностями реагировать на его эмоциональное состояние, но при этом сомневаться во всем [6].

Для подтверждения гипотезы о связи уровня эмпатии и коммуникативных способностей у студентов-психологов было проведено исследование с участием 40 студентов (34 девушек и 6 юношей) 3 курса факультета психологии Педагогического института «НИУ БелГУ» в возрасте от 19 до 24 лет.

Для получения конкретных результатов исследования был выбран комплекс методик. Сразу же укажем полученные результаты описательной статистики по каждой из них.

- Для выявления уровня эмпатических тенденций использовалась «Шкала эмоционального отклика» (А. Мехрабиана и Н. Эпштайна). Опросник позволил диагностировать особенности способности к эмпатии как личностной черты.

После проведенного исследования были получены следующие результаты. У 75% (30 чел.) выражен нормальный уровень эмпатии. Это означает, что студенты с таким уровнем эмпатии хорошо контролируют собственные эмоциональные проявления, но при этом часто затрудняются прогнозировать развитие отношений между людьми. Такие респонденты более склонны судить о других по поступкам, чем доверять своим личным впечатлениям.

У 15% (6 чел.) испытуемых выражен очень высокий уровень эмпатии. Это может говорить о том, что респонденты более ориентированы на моральные оценки, чтобы оказывать деятельную помощь окружающим. В реальных поступках они, скорее всего, проявляют альтруизм, демонстрируют аффилиативное поведение, т.е. делают все возможное, чтобы поддерживать и укреплять дружеские отношения.

Как видно, остальные 10% (4 чел.) респондентов проявляют низкий уровень эмпатии и мало понимающее другого человека поведение, они более ориентированы на

себя, жестки и ригидны в своих привычных формах реагирования на те или иные коммуникативные ситуации и не чутки к состоянию другого.

Для студентов-психологов полученные результаты достаточно высокого общего уровня эмпатии являются понятными и объясняются особенностями профессионального интереса, который неявно выступает в качестве признака для отбора особого типа личностей на факультете психологии – можно сказать, имеющих более выраженную эмпатию. Как увидим дальше, в отношении коммуникативных способностей тенденция к высокому уровню их проявлений у студентов-психологов является неочевидной.

- Для исследования эмпатии, как способности к сопереживанию, умения понимать и воспроизводить эмоциональные состояния разных людей использовался опросник «Уровень сопереживания» (разработанный Симоном Бароном Коэном и Салли Уилрайт).

В результате полученных данных можно наблюдать, что у 65% (26 чел.) опрошенных уровень сопереживания средний. То есть, респонденты хорошо ладят с людьми, умеют не только заботиться о других, но и понимают их.

В числе респондентов нет людей, которые имеют развитое болезненное сопереживание и наоборот. Это говорит о том, что в целом студенты-психологи открыты к взаимодействию с другими людьми. Они готовы помогать, первыми идти на контакт, проявлять интерес к разным людям. Для будущих психологов это вполне объяснимо.

- С помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири были диагностированы следующие типы отношений к людям: авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический.

По результатам полученных данных, у респондентов было выявлено три ярких типа отношений к людям среди восьми их разновидностей.

У 23% (10 чел.) опрошенных преобладает альтруистический тип отношений. Это характеризуется ответственностью по отношению к другим людям, деликатностью, мягкостью, добротой. Такие люди умеют подбирать нужные слова, чтобы успокоить окружающих.

У 18% (8 чел.) – подчиняемый и агрессивный тип отношений.

Также у 14% (6 чел.) респондентов преобладает дружелюбный тип отношений. Такие молодые люди спокойно идут на сотрудничество с окружающими людьми.

Обладают гибкостью, стремятся помогать другим, проявляют теплоту и дружелюбие в отношениях. У 14% (6 чел.) опрошенных – авторитарный тип.

Остальные типы отношений представлены в следующем соотношении: подозрительный – 9% (4 чел.). Такие студенты очень подозрительны, обидчивы, злопамятные, склонны жаловаться и сомневаться во всем. 2% (1 чел.) характеризуются эгоистичным и зависимым типами отношений. Это говорит о том, что такие молодые люди – мягкие, доверчивые, всегда ожидают помощи от других, не уверены в себе, но ответственные и исполнительные.

- Для выявления степени выраженности общительности и диагностики коммуникативных способностей была использована методика оценки уровня общительности Ф. Ряховского. Методика позволила оценить следующие уровни коммуникабельности молодых людей: некоммуникабельный, замкнутый, с низкой степенью общительности, со средней и высокой степенью общительности, с болезненной коммуникабельностью.

В результате полученных данных было выявлено, что 40% (16 чел.) респондентов обладают степенью общительности ниже средней. Это говорит о том, что такие студенты общительны только в своем кругу. Но в новой обстановке они чувствуют себя вполне уверенно. 30% (12 чел.) респондентов обладают средней коммуникабельностью, в общении с другими терпеливы, отстаивают свою точку зрения. Оставшиеся 30% студентов (12 чел.) имеют уровень общительности выше среднего.

Таким образом, студенты-психологи не отличаются ярко выраженными коммуникативными способностями, при этом они в достаточной степени эмпатийны, что позволяет сформулировать задачу необходимости специальной работы по формированию профессионально важных коммуникативных качеств.

- Характер связи уровня общительности и уровня коммуникативных способностей исследовался методом ранговой корреляции Спирмена [15; 23].

Проведенный корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена для выявления взаимосвязи уровня коммуникативных способностей и эмпатии показал, что существует положительная связь между такими показателями, как эмоциональный отклик и подозрительный тип межличностных отношений ($r=0,34$); наибольшее число корреляционных связей имеет показатель уровня сопереживания с альтруистическим типом межличностных отношений ($r=0,36$), а также дружелюбность – с уровнем сопереживания ($r=0,33$). Данные результаты статистически значимы на уровне $p \leq 0,05$.

Полученные результаты указывают на то, что с повышением уровня развития эмпатии в межличностных отношениях, становится более выраженной склонность респондентов судить о других по поступкам, не доверять своим личным впечатлениям.

Таким образом, в исследования было показано следующее.

Респонденты (студенты-психологи) демонстрируют альтруистический тип отношений, но их уровень общительности – ниже среднего. Это свидетельствует о том, что испытуемые берут ответственность за слова, которые говорят своим собеседникам, готовы помогать. Но раскрываются в общении и доверяют свои секреты только в близком кругу.

У испытуемых выявлен средний уровень эмпатии. Это говорит о том, что респонденты умеют проникаться состоянием и вчувствоваться в переживания своего собеседника.

Анализ результатов исследования и вывод о средней с тенденцией к низкой степени выраженности коммуникативных способностей у студентов-психологов позволил обосновать необходимость разработки специальной развивающей программы, направленной на развитие коммуникативных способностей студентов.

Методической основой для разработки развивающей программы стали исследования С.В. Кутняк в области коммуникативного развития.

Опираясь на выявленные в исследовании С.В. Кутняк [11] стадии в процессе развития коммуникативных качеств, в разработанной нами программе делался акцент на процессы эмпатии, то есть коммуникативные способности и эмпатия рассматривались как условия достижения профессионально роста психологов. В программе были выделены блоки упражнений и игр, направленных на более конкретные результаты:

- 1) осмысление понятия «коммуникативные способности»;
- 2) осознание своих переживаний, чувств;
- 3) развитие психологической наблюдательности;
- 4) формирование навыков «чтения» невербальных сигналов партнера;
- 5) развитие способности сопереживания партнеру по общению.

Итак, коммуникация является одной из ведущих потребностей человека, как общественного существа. Она является необходимым условием для социализации, которая обеспечивает усвоение социальных знаний и норм. В коммуникации важную роль играет механизм эмпатии, с помощью которой достигается взаимопонимания между людьми. Эмпатия является мощнейшим фундаментом для понимания другого человека и вызывает все больший интерес исследователей в силу высокой

практической значимости для жизнедеятельности, особенно для профессиональной деятельности будущих психологов.

Исследование показало, что уровень эмпатии среди студентов-психологов является достаточно выраженным показателем, тогда как коммуникативные способности выражены незначительно. Вместе с тем коммуникативные способности являются профессионально значимыми качествами будущих психологов, их следует развивать для успешного овладения профессией. Также исследование показало наличие статистически значимой прямой корреляции уровня эмпатии в межличностных отношениях и коммуникативных способностей, что позволило обосновать задачи развивающей программы повышения уровня коммуникативной компетентности у студентов-психологов.

Библиографический список

1. Абрамова, А.В. Эмпатия как фундамент морального опыта / А.В. Абрамова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 1. г. Тула, 2014. – С. 343–367.
2. Аухадеева, Л. Особенности коммуникативной культуры татарских и русских студентов / Л. Аухадеева // Высшее образование в России. № 12. г. Москва, 2006. – С. 105–110.
3. Бенеш, Н.Л. Эмпатия как важнейшее личностное качество / Н.Л. Бенеш // Альманах современной науки и образования. №1. г. Тамбов, 2014. – С. 49–51.
4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Логос, 2013. – 223 с.
5. Эмпатия как нравственное качество будущего профессионала А.Н. Бражников [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/4/3152.phtml> (дата обращения 4.10.18)
6. Грачев, В. И. Коммуникация и общение в современной культуре: уроки научной аберрации / В. И. Грачев // Журнал Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 4, том 2. г. Ленинград, 2011. – С. 560–586.
7. Елеференко, И.О. Синергетическая составляющая эмпатии / И.О. Елеференко // Журнал Фундаментальные исследования. № 12. г. Москва, 2014 – С. 50–65.
8. Зайцева, Ю.С. Зеркальные клетки и социальная когниция в норме и при шизофрении / Ю.С. Зайцева // Социальная и клиническая психиатрия. № 2. г. Томск, 2013. – С. 96–105.
9. Иган Дж. Базисная эмпатия как коммуникативный навык / Дж. Иган // Журнал практической психологии и психоанализа. №1, 2000 – С. 46–65.
10. Косоногов, В. Психометрические свойства русской версии методики «Коэффициент эмпатии» / В. Косоногов // Психология в России: современное состояние. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – С. 96–104.

11. Кутняк, С.В. Использование тренинга в обучении студентов коммуникативной компетенции как фактора успешного карьерного развития / С.В. Кутняк // Гуманитарные науки и образование. №1. г. Москва, 2015 год. – С. 15–18.
12. Лазарева, Н.Э. Анализ межличностных отношений студентов бакалавриата в студенческой группе / Н.Э. Лазарева // Вестник Южно-Уральского профессионального института. Т. 8. № 2. г. Урал, 2012 – С. 68–73.
13. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А.А. Леонтьев – М.: Знание, 1979. – 94 с.
14. Малаверычева, И.Г. Влияние эмпатии на проявления альтруизма и эгоизма / И.Г. Малаверычева // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 160. г. Москва, 2013. – С. 48–65.
15. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных / А.Д. Наследов // Учебное пособие – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
16. Немов, Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 567 с.
17. Николаева, Ж.В. Основы теории коммуникации / Ж.В. Николаева // Учебно-методическое пособие – В.: ВСГУТУГ, 2004. – 274 с.
18. Осипов, Г.В. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Изд. НОРМА, 2000. – 488 с.
19. Петрова, Г. Г. Особенности межличностной коммуникации / Г. Г. Петрова // Журнал Вестник Северного федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. г. Урал, 2011. – С. 45–67.
20. Позция, А. Д. Роль эмпатии в процессе образования / А. Д. Позция // Философские проблемы науки и техники. № 5. г. Москва, 2012. – С. 161–170.
21. Роджерс, Карл. Эмпатия / Карл Роджерс. – Москва // Психология мотивации и эмоций: учебное пособие / ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – Издание 2-е, стереотипное. – Москва: ЧеРо: Омега-Л: МПСИ, 2006. – 428–430 с.
22. Садохин, А. П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации. / А. П. Садохин // Общественные науки и современность, № 3. г. Екатеринбург, 2008. – С. 156–166.
23. Сидоренко, Е.В. «Методы математической обработки в психологии» / Е.В.Сидоренко // Учебное пособие – М.: МГУ, 2007. – 350 с.
24. Солдатова, Г.У. Психодиагностика толерантности личности / Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.
25. Уткина, Ю. В. Подходы к уточнению понятия “Профессиональная коммуникация педагога” / Ю. В. Уткина //Журнал Человек и образование. № 1. г. Екатеринбург, 2012. – С. 87–105.

Педагогическая психология

УДК 159.9

Киселева Е.А., Ильиных Ю.В. Субъективные представления родителей о своей роли в личностном и профессиональном самоопределении старших подростков

Subjective views of parents about their role in the personal and professional self-determination of older adolescents

Киселева Екатерина Александровна

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой психологии семьи и детства
Российский государственный университет,
Институт психологии им. Л.С. Выготского,
Москва, Россия

Ильиных Юлия Владимировна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии семьи и детства
Российский государственный университет,
Институт психологии им. Л.С. Выготского,
Москва, Россия

Kiseleva Ekaterina
Candidate of Pedagogical Sciences,
Department Chair of Family and Childhood Psychology
Russian State Humanitarian University,
Vygotsky L. Institute of psychology, Moscow, Russia
Ylyinich Yulia
Candidate of Psychological Science,
A.P. Associate professor Department
of Family and Childhood Psychology
Russian State Humanitarian University,
Vygotsky L. Institute of psychology, Moscow, Russia

***Аннотация.** Профессиональное будущее подрастающего поколения становится в фокусе внимания родителей именно в период старшего подросткового возраста, согласно актуальным возрастным задачам. Целью научного исследования является анализ субъективных представлений родителей о своей роли в личностном и профессиональном самоопределении их детей, о факторах, влияющих на этот процесс. Родительские субъективные представления изучались с помощью валидизированной авторской анкеты, содержащей вопросы об участии матерей и отцов в личностном и профессиональном самоопределении молодых людей. Получены данные о непосредственном участии родителей в жизнетворчестве молодых людей, имеющие гендерную специфику как со стороны родителей, так и со стороны детей.*

***Ключевые слова.** Личностное и профессиональное самоопределение старших подростков, субъективные представления родителей, совместная деятельность, внутренние установки, жизнетворчество.*

Abstract. *The professional future of the younger generation becomes the focus of parents' attention precisely during the period of older adolescence, according to current age-related tasks. The purpose of the research is to analyze the subjective perceptions of parents about their role in the personal and professional self-determination of their children, about the factors influencing this process. Parental subjective perceptions were studied using a validated author's questionnaire containing questions about the participation of mothers and fathers in the personal and professional self-determination of young people. The data on the direct participation of parents in the life creation of young people with gender specificity on the part of both parents and children were obtained.*

Keywords. *Personal and professional self-determination of older adolescents, subjective views of parents, joint activities, internal attitudes, life creation.*

DOI 10.54092/26868822_2022_1_21

Рецензент: Агронина Наталья Иосифовна — Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Профессиональное и личностное самоопределение является ключевой задачей старшего подросткового возраста, о чем пишут многие современные авторы [8, с.102]. Так, Бедов А.Н. рассматривает профессиональное самоопределение подростков как ключевую педагогическую проблему, указывая на условия и специфику этого процесса [2, с.96]. Однако, несмотря на то, самоопределение является задачей молодых людей, родительское участие в этом процессе является неотъемлемой частью этого непростого события в жизни семьи []. Личная профессиональная перспектива в старшем подростковом возрасте, а также трансформация детско-родительских отношений современных старших подростков на этапе профессионального самоопределения подробно представлена в работе Коньшиной Т.М. [7, с.53].

Эмпирическое исследование проводилось на выборке родителей, имеющих детей старшего подросткового возраста (15-17 лет) Всего в исследовании принимало участие 96 человек – 52 матери и 44 отца в возрасте от 47 до 62 лет. Исследование особенностей субъективного представления о профессиональном самоопределении старших подростков проводилось с помощью валидизированной авторской анкеты, которая содержит вопросы о родительском участии в профессиональном самоопределении молодых людей. Полученные эмпирические данные обрабатывались с помощью компьютерной программы SPSS 12.0 (анализ описательных статистик сравнение средних по t-критерию Стьюдента и по критерию Манна-Уитни).

Таблица 1.

Показатели коэффициента U-критерий Манна — Уитни по параметрам субъективного представления о личностном и профессиональном самоопределении старших подростков

	U критерий	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Обсуждение будущей профессии с ребенком	31	-2,130	,033*
Гендерные различия родителей в субъективном восприятии личностного и профессионального самоопределения ребенка	12	-3,128	,001*
Представление родителей о профиле будущей профессии ребенка	12	-3,966	,000*
Представление родителей о собственном участии в личностном и профессиональном самоопределении ребенка	46	-2,450	,014*
Отношение к позиции ребенка в его профессиональном самоопределении	38	-2,782	,015*
Представление о факторах личностного и профессионального самоопределения	29	-3,101	0,043*

* различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Таким, образом, все различия между группами отцов и матерей, описанные в данном эмпирическом исследовании, можно считать достоверными на 5% уровне значимости.

Рассмотрим результаты анализа различных аспектов личностного и профессионального самоопределения в субъективном восприятии родителей. В представлении матерей родительская подструктура выступает в единстве с отцами во взглядах на будущую профессию своих дочерей (65%). Отцы также отражают эту позицию (70%). Что касается сыновей, то матери отмечают большую согласованность с отцами в этом вопросе (65%), чем отцы (47%). Профиль будущей профессии своих детей родителями, как правило, всегда четко осознается: 98% матерей и 100% отцов. Если выбор будущей профессии сыном или дочерью не совпадет с представлениями родителей, то в большей степени родители готовы согласиться с мнением дочерей, чем сыновей: матери (70%) и отцы (90%). Выбор сыновей в случае несовпадения с мнением родителей в меньшей степени будет воспринят матерями (65%) и отцами (62%).

Рассмотрим субъективное представление родителей о факторах, повлиявших на профессиональный выбор ребенка. В наибольшей степени, по мнению родителей,

ребенок определил самостоятельно без всякого участия (63%). Среди внешних факторов, повлиявших на профессиональное самоопределение старшего подростка, родители называют кружки и секции (16%). Только 21 родителей указывают собственное участие в этом вопросе.

Почти все родители (91%) отметили, что всегда находят время для обсуждения увлечений и интересов своих детей. Однако женщинам это удается гораздо труднее, только 31% женщин ответили положительно. Причем с дочерьми родители гораздо чаще обсуждают их интересы (75%), чем с сыновьями (25%).

В целом, родители отмечают высокую осведомленность своих детей в отношении того, где и кем они работают (96%). Матери незначительно больше открыты в этом отношении (98%), чем отцы (94%). Что касается пола детей, то с сыновьями матери делятся информацией о своей работе в 100% случаях, а с дочерьми – в 97%. Отцы также совершенно открыты для сыновей в 100%, с девочками – в 94% случаев.

Анализ результатов исследования такого параметра, как информирование детей родителями об особенностях своей работы позволяет сделать следующие выводы. В целом родители весьма охотно делятся с детьми своими впечатлениями о работе (72%). Небольшая часть родителей предпочитают этого не делать (28%). Из них матери составляют 79% (информирующих) и 21% (не информирующих); отцы – 60% (информирующих) и 40% (не информирующих). В целом родители предпочитают в большей степени информировать сыновей о своей работе (75%), чем дочерей (69%). При этом матери информируют сыновей (83%) в большей степени, чем отцы (63%).

Анализ результатов исследования такого параметра, как обсуждение успехов и трудностей, связанных с профессиональной деятельностью, позволяет сделать следующие выводы. В целом родители делятся с детьми своими успехами в области профессиональной деятельности работе (64%). Гораздо меньше родителей предпочитают этого не делать (36%). При этом матери гораздо больше делают это (71%), по сравнению с отцами (60%). Матери в большей степени делятся успехами с дочерьми (74%), чем с сыновьями (58%). Отцы чуть больше склонны рассказывать об успехах дочерям (54%), чем сыновьям (50%).

Другими словами, современные родители, описывая особенности своей профессиональной сферы, пытаются донести до детей определенные ожидания и установки, отраженные в их субъективном представлении.

Анализ результатов исследования такого параметра, как представление родителей о необходимости самостоятельного профессионального самоопределения, позволяет сделать следующие выводы. Родители неоднозначно подходят к решению

данного вопроса. Выборка разделилась примерно поровну. Половина родителей считает, что ребенок должен самостоятельно определиться в данной области (52%). Однако почти половина родителей уверены, что нужно помогать детям самоопределяться в профессиональном будущем и даже влияет на это (48%). Матери чуть в большей степени склонны участвовать в этом процессе (51%), чем отцы (43%). Матери больше пытаются повлиять на профессиональный выбор дочерей (68%), чем отцы (48%). А вот в отношении сыновей родители более единогласны, считая, что профессиональное самоопределение – это зона ответственности ребенка. Так считает 67% матерей и 80% отцов.

Данные результаты отражают противоречивость внутренних установок родителей относительно их роли в личностном и профессиональном самоопределении старших подростков. Понимая необходимость бережного и равноправного подхода к вопросу жизнестроительства своих детей, они, тем не менее, понимают всю ответственность за выбор, совершаемый их ребенком [6, с.198].

Рассмотрим такой параметр, как отношение родителей к выполнению ребенком своих учебных и трудовых обязанностей. Родители разделились следующим образом: одни не проявляют никакой требовательности (42%), другие - проявляют ее и оказывают необходимую помощь (35%), третьи – не проявляют требовательности, но оказывают помощь (23%). Отцы в целом либо не проявляют ни интереса, ни требовательности к обязанностям детей (37%), либо требовательности не проявляют, но готовы оказать необходимую помощь (27%). Одна есть небольшая группа отцов, требующих успехов от детей (18%) и контролирующих (12%). Совсем маленькая часть отцов только обладают небольшим интересом (6%). Среди матерей большинство проявляет требовательность одновременно с оказанием помощи (40%). Некоторые матери (23%) только требуют, не оказывая поддержки либо, наоборот, не требуют, но готовы посодействовать (21%). Меньше всего тех, кто только контролирует (12%) или только проявляет интерес (4%). Что касается гендерного распределения детей, того отцы по отношению к девочкам чаще всего проявляют интерес без требовательности и какой бы то ни было поддержки (44%). Другие просто готовы помочь, ничего не требуя взамен (33%). Небольшая часть отцов ограничивается требовательностью (19%) и лишь единицы совершенно равнодушны к обязанностям дочерей. По отношению к сыновьям отцы требуют без оказания поддержки (39%) либо, наоборот, только готовы помочь, не предъявляя требований (38%). Но есть и те, кто равнодушен к учебным трудовым обязанностям сыновей (23%). Матери в большинстве своем готовы помогать дочерям, не требуя ничего (42%) либо, наоборот, только требовать и контролировать (39%). Небольшая

часть из них (19%) не проявляют требовательности, но и не помогают. По отношению к сыновьям матери гораздо больше требуют и контролируют, не помогая (67%). Некоторые матери не требуют, но и не оказывая поддержки (22%). Лишь небольшая часть помогает сыновьям без предъявления требований (11%).

Подавляющее большинство родителей считают, что хорошо осведомлены о всех общественных делах своего ребенка (70%). Однако матери в этом отношении проявляют больший интерес к этому вопросу (76%), чем отцы (63%). Сыновья и дочери при этом находятся у матерей в почти в равных положениях: 73% матерей высказались о хорошем представлении относительно общественной жизни дочерей и 76% - сыновей. Отцы в большей степени проинформированы о дочерях (68%), чем о сыновьях (38%). Матери и отцы примерно в одинаковой степени (87%) представляют общественную деятельность как полезную для проявления способностей своих детей. Матери в отношении сыновей немного меньше придают значение общественной жизни (85%) в актуализации способностей, чем в отношении дочерей (92%). Отца придают значение внешней среде в развитии и проявлении способностей у дочерей и сыновей абсолютно в одинаковой степени (88%).

Совместная деятельность детей и родителей по выполнению домашних обязанностей в представлении родителей не приносит удовольствия всем членам семьи. Среди тех, кто считает это вполне приятным занятием – матери девочек (63%) и небольшая часть отцов девочек (22%). Подавляющее большинство негативно относящихся к совместному труду – матери мальчиков (43%) и отцы мальчиков (34%). Примерно та же картина и в отношении отцов: 83% отцов не делают этого по отношению к сыновьям, а вот к дочерям уже отцы такие метод применяют чаще (42%).

Интересные данные были получены в отношении наказания трудом и поощрения деньгами. 67% родителей считают, что это не допустимо. Из них 70% матерей и 62% отцов. Однако по отношению к дочерям матери на так категоричны: 32% матерей допускают наказание трудом и поощрение деньгами, а сыновей готовы придерживаться такой тактики только 25%.

Удовлетворенность родителей успехами своих детей в целом находится на высоком уровне: 70% выражают полную или частичную позитивную реакцию на достижения своих детей. Только 22% выразили пожелание по улучшению успехов детей, а 8% совсем отметили безразличие к этому вопросу. При этом матери чаще хотели бы видеть результаты детей гораздо лучше (39%), чем отцы (10%). В отличие от матерей, среди отцов есть небольшая часть, которая совсем не интересуется успехами детей (5%). Это оказались девочки. По отношению к мальчикам таких отцов нет,

наоборот, к ним гораздо больше претензий и недовольства (38%), чем к девочкам (12%). Матери разделились на две равные подвыборки: те, кто доволен успехами мальчиков, и те, кто нет. По отношению к девочкам недовольство встречается гораздо реже, 32% случаев.

Отражение в субъективном представлении родителей общего жизненного и профессионального будущего своих детей всегда было главным фактором траектории личностного развития подрастающего поколения [3, с. 244]. Гуманизация воспитательного процесса, происходящая на протяжении всего последнего столетия, тем не менее, не отменила этот значимый фактор. Возможно, она сделала его мягче и незаметнее. Однако, как показывают современные исследования, процент родителей, равнодушных к будущему своих детей остается очень низким.

Библиографический список

1. Астахова А.Г. Психологические особенности саморазвивающейся личности. / Журнал педагогических исследований, 2020, С. 88.
2. Вахтомина, Е. А. Организация деятельности по профессиональному самоопределению школьников: практикум / Е. А. Вахтомина, И. П. Сапего. - Москва: МПГУ, 2018. - 112 с.
3. Жукова Н.В. Формирование ценностных основ трудовой мотивации в родительской семье и каналы трудовой социализации / Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире: материалы конференции / отв. ред. В. А. Кольцова. - Москва: Институт психологии РАН, 2013. - 956 с. - (Материалы конференции).
4. Зеер, Э. Ф. Основы профессиологии: учебное пособие / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк, М.В. Зиннатова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 205 с.
5. Козловская, С. Н. Теория и практика развития профессионального самоопределения студентов : монография / С.Н. Козловская. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 145 с.
6. Кольцова В.А., Хоанг Т.Т. Влияние межпоколенного взаимодействия в семье на личностное и профессиональное самоопределение молодежи / Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире: материалы конференции / отв. ред. В. А. Кольцова. - Москва: Институт психологии РАН, 2013. - 956 с.
7. Орлова А.А. Психологический и социальный аспекты формирования образа будущего в юношеском возрасте / Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15-16 октября 2015 года) / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский. - Москва: Институт психологии РАН, 2015. – С. 53.
8. Самоопределение молодежи в современном мире: монография / А. К. Лукина, О. Н. Финогенова, М. А. Волкова [и др.] ; под общ. ред. А. К. Лукиной. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. - 288 с.

Социальная психология

УДК 159.9.072

Каргабаева А.Р., Яковец Д.А. Социально-психологические факторы формирования молодёжных субкультур

Socio-psychological factors of formation of youth subcultures

Каргабаева Адэля Рашитовна,

Магистрант, факультет психологии,

Яковец Диляра Ахтямовна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии, Астраханский государственный университет

Kargabaeva Adela Rashitovna,

Graduate Student, Faculty of Psychology,

Yakovets Dilyara Akhtyamovna

Cand. of Ps. Sc., Associate Professor, Department of Conflictology and Organizational Psychology, Astrakhan State University

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие «молодежная субкультура», описываются субъекты молодёжных субкультур. Раскрываются экономические, социальные, групповые и личностные факторы формирования молодёжных субкультур.*

***Ключевые слова:** молодёжные субкультуры, возрастные группы, конфликт «отцов и детей», формирование молодёжных субкультур, «Я» концепция.*

***Abstract.** The article discusses the concept of "youth subculture", describes the subjects of youth subcultures. The economic, social, group and personal factors of the formation of youth subcultures are revealed.*

***Keywords:** youth subcultures, age groups, conflict of "fathers and children", formation of youth subcultures, "I" concept.*

DOI 10.54092/26868822_2022_1_28

Рецензент: Агронина Наталья Иосифовна — Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

В научной литературе термин «субкультура» стал использоваться с середины 20 века. Доктор педагогических наук А.В. Мудрик отмечал, что: «Субкультура является автономным относительно целостным образованием, включающим в себя целый ряд более либо менее ярко выраженных признаков, таких как: специфический набор норм поведения, ценностных ориентаций, взаимоотношения и взаимодействия ее носителей, а также ее статусную структуру; своеобразные увлечения, набор предпочитаемых источников информации, способы времяпровождения, фольклор, жаргон. Субкультура

– это совокупность специфических социально-психологических признаков (ценностей, норм, вкусов, стереотипов и т.д.), которые влияют на мышление и стиль жизни определенных, реальных и номинальных групп людей, которое позволяет им утверждать и осознать себя в качестве «мы», отличного от «они», т.е. остальных представителей социума» [4, С.78].

Молодежные субкультуры в современной форме возникли в середине 20 века, после Второй Мировой войны. Это было обусловлено рядом экономических и социальных факторов, а в частности, увеличением временем социализации перед вступлением во взрослую жизнь и ростом благосостояния. То есть, у молодых появилось больше свободного времени и денег, которые можно тратить на себя (включенность во многие молодежные субкультурные группы требует значительных материальных затрат).

Рассмотрим теперь причины возникновения молодежных субкультур с позиций социальной психологии.

В период перехода из детства к зрелости перед молодыми людьми возникает много проблем, которые они, из-за отсутствия опыта, не способны решить, возрастает ответственность за свою жизнь. Им становится необходима группа сверстников, которая сталкивается с теми же проблемами и имеет такие же идеалы и ценности. Это является одной из причин возникновения молодежных субкультур.

Другую причину возникновения молодежных субкультур, как вида «возрастных групп» (age groups) израильский социолог С. Айзенштадт видит в противостоянии между вторичными общественными структурами, присущими современному обществу, и семьей, которая утратила в воспитании подрастающего поколения ведущую роль [5, С.198-199]. В период перехода от детства к взрослости, подростки и юноши начинают отдаляться от семьи и ищут новый круг общения. Юношеский максимализм отторгает традиционную систему социализации с официальными молодежными организациями и учебными заведениями.

Отдельно хотелось бы остановиться на таком явлении как конфликт поколений. Культура, являясь основной характеристикой человеческого общества, не наследуется биологически, а предполагает обучение и воспитание. В процессе социализации становится возможным не только усвоение молодежью присущего определенному социуму культурного опыта, но также и его совершенствование [2]. Конфликт, который присущ процессу вхождения нового поколения в социум, именуется противостоянием «отцов и детей». Переходный, склонный к девиации, непредсказуемый период юношества не вызывает у старшего поколения восторга, так как по причине

определенных ролевых и социокультурных отличий обе стороны часто настроены по отношению друг к другу враждебно [3].

Исследуя причины возникновения конфликта «отцов и детей», С. Айзенштадт в своей работе «От поколения к поколению» полагает, что различные возрастные периоды жизни человека имеют определенную социокультурную миссию, благодаря которой молодежные группы выполняют важные функциональные общественные нагрузки. Конфликт помогает молодому поколению обрести статус взрослого, освобождая его от кровнородственной семейной зависимости; предоставляет проявить свою самостоятельность посредством культурной идентификации с себе подобными. Причины противоречий между поколениями инициируют выделение молодежной культуры в самостоятельную область, которая представляет интерес для западных и отечественных культурологов, психологов и социологов.

Исследуя социологию конфликта, Г. де Хард утверждает, что молодое поколение всегда занимает протестующую позицию по отношению к установившимся нормам поведения и культурным обычаям. Молодости свойственно желание быть свободным, т.е. решимость быть самим собой и стремление к полноте проявления собственных чувств. Данные стремления вынуждают молодежь быть в поиске различных способов индивидуального и группового (коллективного) поведения [1, С.45].

Таким образом, для смягчения перехода от детства к взрослости и нужны молодежные субкультуры, которые аккумулируют в себе опыт решения жизненных проблем, накопленный другими молодыми людьми и который отличается от опыта старших поколений.

Л.В. Шабанов придерживается другой точки зрения, рассматривает молодежные субкультуры как маргинальные образования в обществе. Он считает, что причиной возникновения молодежных субкультур является не конфликт поколений и кризис роста, а «вынужденная» маргинальность, социальный протест, то есть общество само провоцирует объединение молодых людей в подобные группировки [6]. Однако, возможно, недовольство жизнью и противопоставление себя обществу является следствием отсутствия гармоничного воспитания детей в современных семьях. Данный вопрос требует дополнительных исследований.

При изучении молодежных субкультур необходимо различать их просоциальную и асоциальную формы. Молодежь является наиболее чуткой социальной группой, которая одна из первых воспринимает новые формы проведения досуга со всеми негативными и позитивными явлениями. Ее не могут до конца

удовлетворить существующие общепринятые способы времяпровождения, в связи с чем молодые люди ищут свои новые способы.

На сегодняшний день в мире существуют множество молодежных субкультур, которым свойственен внешний протест против общепринятых установок. При этом они все имеют общий лозунг: «Быть самим собой, во что бы то ни стало!». Они считают свободу выбора главным в жизни, и это им позволяет открыто выражать свое мировоззрение в одежде, стиле жизни, поведении, творчестве и т.д.

Среди молодежных субкультур XX века можно назвать такие как: хиппи, растаманы, хипстеры, готы, панки, рокеры, металлисты, Visual kei, эмо, люберы (в России), скинхеды, фрики, байкеры, косплееры, анимешники, рейверы, спортивные фанаты, граффити, токиенисты и др.

В начале XXI века происходит изменение и расширение палитры молодежных субкультур, оформляются новые направления: паркурщики, гламур, халлю (корейская волна), ванильки, тамблер-гёрл (веб-панки), сталкеры, диггеры и др. Стремительное развитие научно-технического прогресса и цифровизация общества привела к возникновению ряда кибер-субкультур: хакеры, геймеры, блоггеры.

Рассмотрим факторы формирования молодежных субкультур на уровне группы. К ним относятся групповые цели и нормы, а также аффилиативные факторы.

В качестве групповых целей, влияющих на формирование молодежных субкультур, называют:

- образование субкультурных групп как противопоставление устоявшимся, традиционным;
- образование новых субкультур, альтернативных формальной культуре;
- приверженность к социальному творчеству вызывает к жизни образование таких социальных групп, как художественно-направленные, музыкально-ориентированные и т.д.;
- потребность неокрепшего «Я» в сильном «Мы», желание быть как все в своей группе – в стиле одежды, в стиле поведения и т.д.

Субкультурные группы, как правило, группы равных. В них нет иерархии и лидерства. В них приводит желание быть равным с людьми со схожими интересами. Способность к самоорганизации также способствует рождению нового коллективного порядка более высокого уровня, который отвечает насущным потребностям и интересам молодежи.

К аффилитивным факторам формирования молодежных субкультур относится потребность в близких эмоциональных отношениях, потребность в общении «просто так».

К детерминантам формирования молодежных субкультур на личностном уровне, со стороны «Я концепции» относятся:

1. Становление нового уровня самосознания, самооценки: молодые люди начинают определять себя и свои качества, что ставит их перед выбором способа социализации. Стремление к установлению социальных связей приводит в различные молодежные группы, гомогенные не только по нормам поведения, но и по возрасту, ценностям и взглядам. Участие в субкультурных молодежных группах повышает самооценку молодого человека, так как он находится в обществе, в котором может самореализоваться, которое мотивирует и поддерживает его деятельность. Расхождения между «Я реальным» и «Я идеальным» которое часто возникает у молодых людей, координирует группа - субкультура.

2. Становление идентичности. Личностная идентичность – самоотождествление индивидуального «Я» с другими образами человека и мира. Молодой человек находит вполне определенную идентичность, выбирая мировоззренческую ориентацию и деятельность одной из субкультур, причастность к которой является для него важной и отвечает его нормам оценки своего поведения.

3. Становления мировоззрения. Мировоззренческие установки в юношеском возрасте могут быть противоречивыми. Каждая из молодежных субкультур обладает своим мировоззрением. С помощью размышлений и исканий молодой человек выбирает одну из них, которая примиряет его с окружающим миром и дает ощущение полноты жизни.

4. Поиск смысла жизни: это проблема не только мировоззренческая, но и практическая. Ответ содержится как внутри человека, так вне его – в мире его деятельности, где раскрываются способности. Если нет возможности их удовлетворить, то может образоваться тот дефицит, болезненно ощущающийся в юности и которой часто восполняется участием в молодежной субкультуре (если данное соответствует направленности личности данного молодого человека).

5. Стремление к аутентичности. Аутентичность - это способность человека в жизни отказываться от различных социальных ролей, навязываемых окружением, позволяя проявляться подлинным, свойственным только данной личности эмоциям, мыслям и поведению. Проявление либо не проявление аутентичности с данной точки зрения наблюдается при столкновении личностных мотивов и интересов с

социальными нормами, доминирующими тенденциями общественного сознания. Наличие аутентичного поведения у представителей молодежных субкультур подтверждается различными исследованиями. Возможность проявления аутентичного поведения (что свойственно всем субкультурам) дает возможность ощущать себя полноценной личностью, которая реализуется во всех сферах. Самореализация творческого потенциала дает ощущение полноты жизни [7, С.64-66].

В заключении хотим отметить, что на процесс возникновения и формирования различных молодёжных субкультур воздействовало множество факторов, таких как: экономические, политические и социальные кризисы, увеличение времени социализации перед вступлением во взрослую жизнь и рост благосостояния. Развитие науки дало резкое ускорение жизненных процессов; новые технологии в области коммуникации создали массовую культуру, а научно-технический прогресс унификацию форм общения и «технократическое мышление»; развитие массового производства дало массовое сознание и «мировые стандарты» потребления, в том числе духовных и культурных ценностей.

Детерминантами формирования молодежных субкультур на уровне группы являются групповые цели и нормы, а также аффилитивные факторы.

На уровне личности детерминантами формирования выступают: становление нового уровня самосознания, самооценки, мировоззрения, формирование идентичности, поиск смысла жизни, стремление к аутентичности.

Важнейшими социально-психологическими факторами детерминирующими формирование молодёжных субкультур, являются: подростковый (юношеский) период неопределённости, освобождение от семейной зависимости и проявление своей самостоятельности, конфликтность поведения. Плотность контактов и эффект анонимности снижают социальный контроль подрастающего поколения. Всё это создает предпосылки для объединения молодых людей в разнообразные молодёжные субкультуры и является сплачивающим фактором, формирующим коллективное сознание в этих движениях, коллективную ответственность и общие понятия о социально-культурных ценностях.

Библиографический список

1. Бергер П.Л. Приглашение в социологию. – М.: Издательство «Директ-медиа», 2007. – 333 с.
2. Ильин В.В. Философия: Учебник. 3-е изд, доп., испр. – М.: Издательство «Проспект», 2021. – 480 с.
3. Макаренко А.С., Невская С.С. Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко / под ред. Кондратовича Н.А. – М.: Издательство «Академический проект», 2006. – 976 с.
4. Немов Р.С. Психология: учебник : в 3 книгах. Книга 1. Общие основы психологии. – М.: Издательство «Владос», 2013. – 668 с.
5. Самыгин П.С., Кротов Д.В. Технологии социальной работы с лицами из групп риска: профилактика девиантного поведения молодежи 2-е изд., испр. и доп / Учебное пособие для СПО. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 284 с.
6. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодёжных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. - Томск: Томский государственный ун-т, 2005. -399 с.
7. Эррера Л.М. Психологические аспекты изучения особенностей молодёжных субкультур // Социология и жизнь. 2011. №3. - С.64-67.

Теория и методика обучения и воспитания

УДК 37

Сергушова Н.Д., Пустохайлова А.А. Отличия и сходства российского и английского семейного воспитания

Differences and similarities between russian and english family education

Сергушова Н.Д., Пустохайлова А.А.

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
Россия, Астрахань
Sergushova N.D., Pustokhailova A.A.
Astrakhan state university
Astrakhan, Russia

***Аннотация.** На формирование традиций влияют многие факторы: исторические, территориальные, экономические, политические и социальные. Все эти сферы не могли не затронуть такой общественный институт, как семья. В связи с этим в каждой стране появились особенные традиции в воспитании. В этой статье рассматриваются некоторые особенности семейного воспитания двух европейских стран.*

***Ключевые слова:** традиции, воспитание, семья, родители, дети, Россия, Англия.*

***Abstract.** There are a lot of factors which influence the formation of traditions: historical, territorial, economic, political, and social factors. The family, one of the social institutions, is affected by all these factors. In this connection, all countries have special educational traditions. This article talks about some of the features of family education in two European countries.*

***Keywords:** traditions, education, family, parents, children, Russia, England.*

DOI 10.54092/26868822_2022_1_35

Рецензент: Агронина Наталья Иосифовна — Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Английское воспитание значительно отличается от российской системы. Для всех нас традиционным является трепетное отношение к семье. Но парадокс заключается в том, что англичане любят быть детьми, но не спешат создавать свои собственные семьи.

Мода на поздние браки и позднее рождение детей имеет свои корни в Англии. Здесь считается, что сначала люди должны обзавестись всем необходимым: собственным домом, хорошей работой с достойной зарплатой, и меть устойчивое

социальное положение. Все это создает благоприятную обстановку для создания семьи. [4, с. 178]

В российских семьях после рождения ребенка всё их внимание сосредотачивается на нем. А в Англии рождение ребенка не изменяет отношение между супругами. На первом месте мамы-англичанки остается она сама и ее муж, и лишь потом следует ребенок. [1, с. 204]

Традиционно российская мама посвящает всю себя своему ребенку. В то время как англичанки предпочитают не тратить много сил на воспитание своего чада и стараются найти возможность нанять няню и горничную. Поэтому они не сидят долго в декретном отпуске и как можно раньше стараются вернуться на работу.

Английские родители рассчитывают только на себя, так как для их страны не характерно прибегать к помощи бабушек и дедушек. В России напротив старшее поколение принимает активное участие в воспитание детей. [1, с. 232]

В России главным агентом социализации для ребенка младшего возраста является его семья. Скорее всего, это происходит из-за менталитета российского народа. Веками складывались семейные традиции, и даже в нашем современном мире многие российские мамы достаточно суеверны. Они не показывают новорожденного посторонним людям до тех пор, пока малышу не исполнится шесть недель. [3, с. 65]

В Великобритании социализация ребенка происходит по-другому. С самого раннего возраста детей берут в общество: в гости, в общественные места и на различные мероприятия. [4, с 178] Правительство Англии заботится о семьях и тут все приспособлено для детей: везде есть съезды для колясок, каждый магазин имеет комнату для кормления малышей, рестораны и кафе предлагаю детские стульчики и меню. Никто не обращает внимания на то, что малыш ведет себя громко. Здесь не принято делать замечания чужим детям. [1, с. 250]

Английскую семью отличить от другой достаточно легко, их дети воспитываются в строгости и не поощряется балование детей.

Интересным фактом является что воспитание детей в Англии построено на следующем принципе: все сосредоточено на ребёнке, на его личности и его интересах. Самым важным является душевный комфорт малыша. Это значительно повышает самооценку и способствует развитию уверенности в себе.

Именно поэтому в дошкольных учреждениях Англии всегда есть ставка психолога, который организует систематическую работу с детьми. Дети с детства учатся выражать свои эмоции, решать проблемы и преодолевать различные трудности.

В то время как в России в некоторых семьях до сих пор воспитание не нацелено именно на личность ребёнка. Некоторые родители свои не достигнутые цели пытаются реализовать через воспитания своего малыша. В российский дошкольных учреждениях ставка психолога только начинает вводиться, но этот феномен не затрагивает все города. Необходимо отметить, что Россия находится на пути к данному подходу воспитанию детей.

Стоит отметить, что в Англии «отсутствие наказаний - залог счастливого детства». В большинстве случаев мамы сдержаны и доброжелательны со своими детьми. В Великобритании не принято повышать голос на своего ребёнка в общественном месте, а так же родители несут уголовную ответственность за телесные наказания. Более того в Англии нельзя делать замечания чужим детям. Английские психологи заявляют, что это ущемляет самолюбие формирующейся личности и может привести к неуверенности в себе и появлению комплексов.

Напротив, в некоторых российских семьях родители продолжают использовать наказания. Так же посторонние люди могут сделать замечание чужим детям, например, в транспорте, на детских площадках или в развлекательных центрах.

Но в последнее время российские родители меняют методику воспитания, все больше уделяя внимание психологическому состоянию детей.

Есть и сходства в воспитании. В обеих странах родители стараются с раннего возраста развивать своих детей, отдавая их в различные кружки, секции и в школы раннего развития. А многие английские мамы все чаще пытаются открыть свои собственные школы дополнительного образования. [4, с 179]

Родители пытаются укрепить здоровье своих малышей. Они положительно относятся к закаливанию, следят за распорядком дня и приобщают детей к спорту.

С определенного возраста детей приучают к самостоятельности. Они начинают выходить на прогулки вблизи домов без родителей. В Великобритании есть даже парки, в которых могут гулять только дети. Это способствует развитию ответственности ребенка за свои поступки и жизнь. Мамы не боятся за своих детей, потому что Англия является страной с самым низким уровнем опасности для жизни ребенка. [1, с. 276]

Хочется выделить такую традицию, как чтение книг на ночь. Самым популярным жанром для детей являются сказки. В разных странах они вобрали в себя характерные традиции и обычаи, и с помощью них родители знакомят детей со своей страной. [2, с. 135]

Для каждой страны характерны свои традиции в воспитании. Все они достаточно специфичны и своеобразны, именно поэтому семейное воспитание в каждой стране имеет свои особенности.

Библиографический список

1. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах / авт. – сост. В.С. Овчинников – Москва: «Издательство АСТ», 2014. -322 с.
2. Ребенок и уход за ним / авт. –сост. Б. Спок – Московская область, Долгопрудный: «Попурри», 2014. – 448 с.
3. Русский дом : книга о том, как семью заводить и детей растить / авт.-сост. К. Е. Корепова. - Нижний Новгород : Нижний Новгород, 1993. - 224 с.
4. Уникальность воспитания детей в Англии / авт.-сост. К. С. Соколова, С. В. Сырескина – Казань: Журнал «Молодой ученый» - 2017. - № 41(175) с. 178-179.

40

Электронное научное издание

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

№1/2022

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISSN 2686-8822

Усл. печ. л. 1,8

Объем издания 0,5 МВ

Издание: Международный научный электронный журнал
«Педагогика и психология: вопросы теории и практики»

Учредитель: Краснова Н.А.

Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603000, г. Нижний Новгород пл. М. Горького, 4/2, 4 этаж, офис №1,
Тел.: +79625087402